

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2427-2436. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2427
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Personal Factor in Russian Academic Diplomacy of the 1810s – early 1820s: Experience of the Imperial Lyceum's First Pedagogues

Roman O. Raynkhardt ^{a, *}

^a Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of the role of personalities in the academic diplomacy of the first quarter of the XIX century on the case of the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum. Using the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire alongside specialized literature with recourse to the prosopographic method, the author outlines the impact of professional diplomatic background of the above school's first directors and teachers on their academic and pedagogic activity. As the most prominent and elitist academic institution of the period in question, the Imperial Lyceum initially did not have an explicitly stipulated specialization. Still, many of its alumni upon graduation embraced a career in diplomacy and became civil servants at the Ministry of Foreign Affairs. Such a choice was to a considerable extent influenced by the professional skills and values transmitted to them by ex-diplomats, who used to be their headmasters and pedagogues. The analysis looks into the particular features, on the one hand, and similarities, on the other hand, of the respective career paths of the latter. It reveals that most of them shared certain values and ethical principles typical for the diplomatic professional community, i.e. patriotism, defense of the State's national interests and networking. At the same time, a lot of attention was paid to technical training in terms of working with archives, as well as acquiring mastery in foreign languages. The author concludes that in the aggregate these factors shaped a unique educational environment for future diplomats and experts in international relations.

Keywords: history of Russian diplomacy, science diplomacy, academic diplomacy, Imperial Tsarskoye Selo Lyceum, professional training of diplomats.

1. Введение

Императорский Царскосельский лицей (далее – лицей), основанный в 1811 г. и ставший одним из самых привилегированных учебных заведений своей эпохи, исконно не имел четкой специализации. Несмотря на высокие образовательные стандарты, нигде конкретно не оговаривалось, кем или, по крайней мере, в какой области предположительно будут трудиться его выпускники (Кобеко, 1911). В этом изначально состояло отличие Лицея, например, от Пажеского корпуса с четким военным профилем. В результате бывших воспитанников – особенно первых лет – можно было практически с равной вероятностью встретить как на государственной гражданской службе, так и в армии, на флоте, а также в других учреждениях (Гастфрейнд, 1912–1913). Что касается гражданской службы, то статистически лидирующее место среди работодателей лицейстов первых наборов занимало внешнеполитическое ведомство (Райнхардт, 2019).

Подобное распределение естественно в силу исторически сложившейся престижности отечественной дипслужбы (Zonova, 2011). Еще на самых ранних этапах ее институционального становления представители правящего класса часто и охотно устраивали (или, во всякой случае,

* Corresponding author

E-mail addresses: don.reinhardt@mail.ru (R.O. Raynkhardt)

стремились устроить) туда своих детей. С такой целью частным образом нанимались квалифицированные педагоги – как правило, иностранцы-носители изучаемых языков. Наряду с этим, наиболее состоятельные и прогрессивные дворяне организовывали своим отпрыскам языковые стажировки (упор всегда делался на эту часть профессиональной подготовки) за рубежом, а иногда и вовсе давали им там полноценное образование (Карпов, 2019: 202). Прицелом было последующее трудоустройство в Посольский приказ, позднее – Коллегию и, наконец, Министерство иностранных дел.

Вместе с тем полноценных «кузниц дипломатических кадров» в начале XIX века еще не было. Так, первая попытка создания Дипломатической школы при Коллегии иностранных дел в 1801 г. не увенчалась успехом в силу личностного фактора. Автором проекта ее создания выступил один из фаворитов императора Павла I Ф.В. Ростопчин (АВПРИ. Ф. АД. VI-53. 1801. Д. 1. Л. 4-10). Предполагалось, что слушатели заведения будут изучать иностранные языки, общие предметы (историю, географию, право, статистику), а также специальные дисциплины, в частности архивное и шифровальное дело. В феврале 1801 г. была проведена приемная кампания. Однако спустя месяц император Павел I был убит, а император Александр I в декабре того же года вынес резолюцию «Дипломатическую школу ... в действие не приводить» (АВПРИ. Ф. АД. VI-54. 1801. Д. 1. Л. 11).

В результате начало ведомственному дипломатическому образованию было положено лишь в 1823 г. с созданием Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД (АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97). Параллельно с ним с 1815 г. функционировало Армянское Лазаревское училище, в 1827 г. ставшее институтом восточных языков. Впрочем, считать его настоящим академическим центром подготовки дипломатических кадров на первом этапе существования (до 1827 г.) представляется преждевременным.

Таким образом, в 1810-е – начале 1820-х гг. лицей занял уникальную нишу в образовательном и научно-академическом пространстве. Немаловажную роль в этом процессе сыграл фактор личности руководства и преподавательского состава. Примечательно, что первые директора, при которых учились А.С. Пушкин и его товарищи, имели личный опыт дипломатической работы и живое представление о ней как о ремесле. Назвать их карьерными дипломатами в полном смысле этого слова было бы преувеличением: большая часть их трудовой биографии пришлась на педагогическую деятельность. Тем не менее существенное влияние на последнюю оказали их пусть и сравнительно непродолжительные дипломатические карьеры, анализу основных вех которых посвящена настоящая работа.

Позднее, начиная с 1824 г. и вплоть до ликвидации Лицея в 1917 г., он возглавлялся преимущественно кадровыми военными в звании генералов.¹ Более того, в 1822 г. элитное учебное заведение, ранее находившееся в ведении Министерства народного просвещения, было переподчинено военному ведомству. Ф.Г. Гольтгоер, ставший директором двумя годами позже, привнес в лицей казарменные нравы и обычаи, включающие даже телесные наказания, которые до того были строго запрещены Уставом (Кобеко, 1911: 13). А.С. Пушкин, которого Ф.Г. Гольтгоер в 1831 году пригласил для участия в аттестационной комиссии (Черейский, 1988: 112), в качестве воспитанника этого уже не застал. Лицей первых десяти лет своего существования в большей степени напоминал университет, готовящий специалистов широкого профиля, в том числе международных, нежели военное училище.

Описанные выше обстоятельства определили выбор хронологических рамок исследования: 1810-е – начало 1820-х гг. С учетом этого в современных категориях научной и академической дипломатий, и в частности одного из их подразделов – «науки в дипломатии» (выработка рекомендаций в рамках целей международной политики, подготовка профессиональных дипломатических кадров) (Панченко, Торкунов, 2018: 11; Ruffini, 2017: 13-14), представляется целесообразным проанализировать роль педагогов, выступавших гарантами такой атмосферы и институциональной среды.

¹ В скобках указаны годы, в которые соответствующие исторические деятели руководили Лицеом, а также некоторые отличительные черты их личностей и стилей руководства. Для директоров Ф.Г. Гольтгоера (1824–1840 гг., офицер, по отзывам современников, из наук сильный только в арифметике (Тюнькин, 1989: 40); Д.Б. Броневского (1840–1853 гг., при нем в 1843 г. состоялся перевод учебного заведения из Царского Села в Санкт-Петербург и присвоение ему наименования «Александровский») и Н.И. Миллера (1853–1873 гг., ранее был прикомандирован к Пажескому корпусу) руководство Лицеом стало путем в генерал-лейтенанты. Ф.А. Фельдман (1896–1900 гг.) и В.А. Шильдер (1910–1917 гг.) были генералами от инфантерии, для которых директорская должность, в сущности, была предпенсионной sinecурой. Остальными директорами в разное время были Н.Н. Гартман (1877–1892 гг., трепетно относился к сохранению лицейских традиций и, в современных терминах, его корпоративной культуры), Ф.Ф. Врангель (1892–1896 гг., моряк, во многом напоминавший своим жизненным путем пушкинского одноклассника Ф.Ф. Матюшкина (см.: Райнхардт, 2019: 82), А.П. Соломон (1900–1908 гг., имел богатый опыт работы в Главном тюремном управлении, которое даже возглавлял до перехода в Лицей) и Б.Э. Вольф (1908–1910 гг., видный чиновник и царедворец).

2. Материалы и методы

Главным элементом источниковой базы исследования служит Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), в частности фонды «Административные дела» (АД), «Департамент личного состава и хозяйственных дел» (ДЛС и ХД). Дополнительными источниками выступают сборники опубликованных документов, относящиеся к рассматриваемому периоду функционирования Лицея, – «Императорский Царскосельский лицей». «Наставники и питомцы. 1811–1843» (Кобеко, 1911), «Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917» (Руденская, 1999), «Императорский Александровский лицей» (Павлова, 2002). Также были использованы материалы, представляющие собой систематизацию источников личного происхождения – мемуаров, воспоминаний и дневников лицеистов: «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота, с присоединением и др. материалов» (Грот, 1887), «Пушкинский лицей (1811–1817)», «Бумаги I-го курса, собранные академиком Я.К. Гротом» (Грот, 1911), «Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицейю. Материалы для словаря лицеистов первого курса 1811–1817 г.» (Гастфрейнд, 1912–1913). Помимо этого, в основу исследования легли материалы периодической печати, описывающие концепцию научной и академической дипломатий (Панченко, Торкунов, 2018; Ruffini, 2017: 13-14), профессиональную подготовку специалистов-международников (Карпов, 2019; Кузнецов 2014), фактор личности в дипломатии (Райнхардт, 2019; Zonova, 2011).

В рамках исследования перечисленных выше источников был применен метод просопографии (Stone, 1971), то есть комплексного сопоставительного анализа биографий исторических лиц, объединенных отношением к исследуемой эпохе (в данном случае – первая четверть XIX века) и социальной группе (профессиональные сообщества дипломатов, с одной стороны, и педагогов – с другой). В качестве объектов просопографического анализа были выбраны биографии трех директоров Лицея (В.Ф. Малиновского, Ф.М. Гауеншильда, Э.А. Энгельгардта) и двух его преподавателей (Л.-В. Тешпера де Фергюсона, С.Г. Чирикова). Была рассмотрена их причастность к обоим названным профессиональным сообществам и проанализировано влияние опыта дипломатической службы и общения с дипломатическим корпусом на педагогическую деятельность как в отношении привития воспитанникам конкретных навыков и компетенций (языковая подготовка, работа с архивными документами, изучение истории дипломатии), так и трансляции на них присущих данной группе корпоративных ценностей (патриотизм, нацеленность на отстаивание национальных интересов государства, этика поведения дипломата, нетворкинг).

3. Обсуждение

История Императорского Царскосельского лицея, его руководства и педагогического состава описана в сочинениях классиков – Я.К. Грота (Грот, 1887; Грот, 1911), Д.Ф. Кобеко (Кобеко, 1911), равно как и современных авторов (Руденская, 1999; Павлова, 2002). При этом именно в ракурсе взаимосвязей профессионального дипломатического и академического сообществ тема до сих пор не получала разработки, что определяет научную новизну настоящей статьи. Поскольку некоторые аспекты проблематики имеют отношение к пушкиноведению, имеет смысл также выделить некоторые отдельные работы, относящиеся к соответствующему корпусу специализированной литературы: Н.А. Гастфрейнд (Гастфрейнд, 1912–1913), С.Л. Турилова (Турилова, 1999), Л.А. Черейский (Черейский, 1988) и др. Тем не менее подчеркнем, что приводимый здесь анализ посвящен истории отечественной дипломатии, и в частности научной дипломатии, а не жизни и творчеству А.С. Пушкина, упоминание личности которого направлено на очерчивание общих границ историко-культурного контекста предмета исследования.

Выделение фактора личности в российской дипломатии в качестве отдельного тематического пласта находим в работе И.А. Мелихова (Мелихов, 2011), в которой автор, однако, не затрагивает исторических деятелей, работавших в лицее. В свою очередь, отдельные аспекты функционирования лицея как института специального дипломатического образования и научно-академического центра нашли отражение в работах Т.В. Зоной (Zonova, 2011) и А.И. Кузнецова (Кузнецов, 2014). При этом в них упор делается главным образом на институциональном факторе. Исходная гипотеза нашей работы заключается в том, что личностный фактор был таким же и, возможно, даже более значимым, чем институциональный в рамках исследуемых академико-дипломатических процессов.

4. Результаты

Прежде всего следует рассмотреть фигуры трех первых директоров лицея – В.Ф. Малиновского (1811–1814 гг.), Ф.М. Гауеншильда (1814–1816 гг.) и Е.А. Энгельгардта (1816–1824 гг.).

Василий Федорович Малиновский (1765–1814), выпускник Московского университета, в 1789 г. начал работать переводчиком в русском посольстве в Лондоне. При этом современниками отмечалось его блестящее владение языками – как мертвыми (древнееврейский, древнегреческий, латынь), так и многими живыми европейскими (Руденская, 1999: 52). В 1791 г. по-прежнему в роли переводчика он участвовал в работе Ясского конгресса, завершившегося подписанием мирного договора между Российской и Османской империями. Далее последовал почти десятилетний перерыв в службе, по окончании которого В.Ф. Малиновский в 1801 г. вновь был командирован в Яссы, но уже в роли

генерального консула. Проработав на этой должности около двух лет, он вернулся в Россию, где вплоть до назначения директором лицея занимался главным образом публицистикой и просветительской деятельностью (Малиновский, 1958). При этом примечательно то, что одновременно В.Ф. Малиновский служил архивариусом при секретном архиве Коллегии иностранных дел, а возглавив лицей, был «оставлен при Коллегии с жалованием от оной производимом» (АВПРИ. Ф. Ад. II-19. 1811. Д. 3. Л. 8).

Иными словами, де-юре он продолжал числиться сотрудником внешнеполитического ведомства до конца своих дней (Турилова, 1999: 24). Как и дипмиссии за рубежом, директорство В.Ф. Малиновского было непродолжительным: после глубоких личных потрясений 1812 г. (война, смерть супруги) в 1814 г. он скончался. В целом, несмотря на относительную краткосрочность, три заграничные командировки по линии внешнеполитического ведомства, несомненно, дали ему богатый практический опыт и оказали влияние на формирование взглядов, которые впоследствии отчасти проецировались и на его воспитанников. Что касается развития у них профессиональных компетенций, то он заложил прочный фундамент лингвистической подготовки лицеистов в части современных языков. Будучи с молодости одаренным в этой области, во время работы в Лондоне и Яссах он твердо убедился в их прикладной пользе в дипломатическом и консульском¹ ремесле.

Следует добавить, что старший брат первого директора лицея – А.Ф. Малиновский (1862–1840) – с 1780 г. успешно служил в Архиве Коллегии иностранных дел, а в 1814 г. возглавил его. Во многом именно благодаря ему к середине 1820-х годов сформировалась целая социально-профессиональная группа – так называемые архивные юноши (см., напр.: Турилова, 1999: 27). Анализ данного феномена, нашедшего широкое отражение в художественной (Ф.В. Булгарин, А.С. Грибоедов и др.) и мемуарной (Ф.Ф. Вигель, А.И. Кошелев и др.) литературе, выходит за временные и тематические рамки настоящего исследования. Впрочем, приобщить лицеистов к азам архивного дела директор В.Ф. Малиновский не успел. Впоследствии это удалось сделать его преемнику Е.А. Энгельгардту.

До прихода последнего в лицей временным сменщиком В.Ф. Малиновского стал Федор (Фридрих) Матвеевич Гауеншильд (1783–1830) – личность во многих отношениях неоднозначная. Прибыв в Санкт-Петербург в 1809 г., этот австриец, никогда не принимавший российского подданства, после открытия лицея стал преподавать в нем немецкий язык и литературу. Сложный характер педагога практически сразу враждебно настроил к нему как учеников, так и коллег. Сам В.Ф. Малиновский вряд ли был рад такому подчиненному, однако определяющую роль в замещении им должности сыграли высокопоставленные покровители последнего, а именно попечитель учебного округа С.С. Уваров и министр народного просвещения А.К. Разумовский. С первым Ф.М. Гауеншильд познакомился в Вене, где С.С. Уваров с 1806 г. по 1809 г. работал в русском посольстве (АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 131. Д. 44).

Претензий к Ф.М. Гауеншильду было много, слухов вокруг его фигуры – еще больше. Некоторые считали его шпионом и даже личным осведомителем Клеменса фон Меттерниха (он действительно с подозрительной частотой бывал в австрийском посольстве в Санкт-Петербурге), другие – академическим самозванцем, полагая, что университетский диплом и ученое звание – подлог и лишь прикрытие для разведывательной работы, а также для закрепления положения в обществе (Черейский, 1988: 96). Намекали и на нетрадиционные связи, которыми объясняли покровительство ему со стороны С.С. Уварова. Что из этого правда, а что – нет, доподлинно выяснить уже вряд ли представится возможным. Лицеистам пушкинского набора претило прежде всего его категорическое нежелание вести занятия по словесности на русском языке (переводы приходилось делать с французского на русский, затем уже с русского на немецкий и наоборот), надменность, а также пристрастие к жеванию лакрицы. Так, даже гибкий, сдержанный и нацеленный на построение карьеры А.М. Горчаков называл его «голодной водяной змеей» и вместе с другими лицеистами сочинил следующие строки:

В лицейском зале тишина,
Диковинка меж нами –
Друзья, к нам лезет сатана
С лакрицей за зубами (Грот, 1911: 217).

Конфронтация увенчалась тем, что после его долгожданного со стороны подопечных и коллег ухода из лицея в 1816 г. об эпизоде с Ф.М. Гауеншильдом в роли руководителя стало принято умалчивать. В некоторых списках директоров он не фигурирует вовсе (Руденская, 1999: 48), в других – как исполняющий обязанности. Итоги его административной и педагогической деятельности принято расценивать в негативном ключе: «по смерти первого директора лицея, Малиновского, долго не было настоящего начальства» (Грот, 1887: 43). Несмотря на это, он продолжил преподавать в Благородном пансионе при лицее вплоть до 1822 г., а в 1818 г. был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Этому, надо полагать, вновь поспособствовал назначенный в том же году ее президентом С.С. Уваров.

¹ Формально до 1809 г. консульская служба находилась в области ведения не Коллегии иностранных дел, а Коммерц-коллегии, то есть не внешнеполитического, а внешнеторгового ведомства.

1818 г. стал поворотным в профессиональной судьбе австрийца еще и тем, что он принялся переводить на немецкий язык только что вышедшее из печати монументальное произведение Н.М. Карамзина (между прочим, близкого друга братьев Малиновских) «История государства российского». Такой проект сразу вызвал бурную реакцию его оппонентов, вспоминая, как в лицейский период переводчик наотрез отказывался слушать не на французском языке даже выступления коллег во время конференций (аналог современных педсоветов в школах и ученых советов в вузах). На основании этого закономерно возникали подозрения в том, что подстрочник многотомного издания мог быть выполнен «литературными рабами» или даже учениками Ф.М. Гауеншильда. Впрочем, стоит отметить, что в Благородном пансионе он все же преподавал на русском языке. Следовательно, либо он ко второй половине 1810-х гг. освоил его, либо ранее просто имитировал невладение государственным языком страны, в которой работал. Чем на самом деле была вызвана подобная лингвистическая избирательность, не ясно.

Однако то, что Ф.М. Гауеншильд поспешил стать первым переводчиком карамзинской «Истории», отнюдь не случайно. Публикация результатов многолетнего и кропотливого исследовательского труда историка вызвала ажиотаж среди просвещенных слоев общества. Сравнительно большой по тогдашним меркам тираж в три тысячи экземпляров был быстро раскуплен. Любопытно, что в связи с образовавшимся дефицитом наибольший ведомственный интерес к изданию проявила Коллегия иностранных дел. Сохранилась докладная записка на имя императора Александра I, в которой указывалось на плохую осведомленность российских дипломатов, работающих за рубежом, «о происходящем во внутренности Отечества» (АВПРИ. Ф. А. Д. IV-28. 1818. Д. 2. Л. 10). Последним обосновывалась необходимость изучения ими «лучших сочинений на русском языке по истории России» и, следственно, приобретения для ведомства восьми опубликованных карамзинских томов (Турилова, 1992: 63).

В ответ на эту просьбу император подписал указ о выделении средств на приобретение 28 экземпляров для нужд дипломатов. Спустя месяц после официального поступления в продажу книги уже были на руках у подчиненных министра иностранных дел И. Каподистрии и управляющего Коллегией К.В. Нессельроде. В дальнейшем, по мере выхода девятого (1821 г.), десятого и одиннадцатого (1824 г.) томов, они таким же образом покупались и распространялись по русским миссиям, консульствам и подразделениям центрального аппарата (АВПРИ. Ф. А. Д. IV-1-1. 1821. Д. 1. Л. 18).

Читатели из числа дипломатов и экспертов по-разному воспринимали произведение Н.М. Карамзина. Эволюция и некоторая двойственность их позиций, вероятно, наиболее явно отразилась в творческом наследии А.С. Пушкина, формально также числившегося сотрудником Коллегии, затем Министерства иностранных дел. Сначала он отреагировал на выход «Истории» довольно резкой эпиграммой (1818 г.):

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута (Пушкин, 1959: 66).

Позднее он отзывался о ней в самых высоких тонах, называя «созданием великого писателя и подвигом честного человека», что, однако, не мешало поэту по-прежнему критически относиться к реакционным, по его мнению, взглядам Н.М. Карамзина в части незыблемости монархии и крепостного права (Пушкин, 1962: 279).

Учитывая остроту подобной полемики, Ф.М. Гауеншильд со свойственным ему тонким конъюнктурным чутьем быстро сообразил, что произведение Н.М. Карамзина, скорее всего, будет интересно не только российским, но и иностранным читателям, причем прежде всего дипломатам, и принялся за перевод. Таким образом, именно благодаря ему, немецкоязычные коллеги впервые узнали о доромановском периоде истории России.

В 1822 г. Ф.М. Гауеншильд покинул Санкт-Петербург и обосновался в Дрездене, где продолжил переводы карамзинской «Истории». И уже на последнем отрезке своего жизненного пути он стал полноценным дипломатом, в 1824 г. начав работать на острове Корфу в качестве австрийского консула в Греции. Этому назначению, в свою очередь, он был обязан обозначенным выше тесным взаимодействием с внешнеполитическим ведомством своей родины, которое пронес через всю жизнь.

Исходя из этого, можно заключить, что, несмотря на отрицательное отношение со стороны большей части лицейского сообщества, Ф.М. Гауеншильд мог способствовать развитию у учеников интереса к истории России, ее внешней политике и дипломатии – пусть скорее из меркантильных и эгоистических, чем из педагогических соображений.

Намного более значимой для историков предстает фигура директора Егора Антоновича Энгельгардта (1775–1862). Именно его первые лицеисты фактически считали своим «школьным папой». Многие из них поддерживали с ним дружеские отношения и после выпуска. Он пристально следил за судьбой бывших воспитанников, переписываясь не только с сделавшими карьеру, например с А.М. Горчаковым, но и с менее успешными и даже осужденными, в частности с декабристами И.И. Пушиным и В.К. Кюхельбекером. Биография Е.А. Энгельгардта достаточно подробно описана

специалистами (см., напр.: Руденская, 1999: 59-74), поэтому отметим лишь то, что на становление его характера так же, как и в случае с В.Ф. Малиновским, повлиял опыт дипломатической работы.

Представителя благородного дома остзейского дворянства с детства записали в Преображенский полк, где он действительно прослужил с 16 до 18 лет, затем отправился в роли дипломатического курьера в Вену. По возвращении продолжил службу уже в Смоленском драгунском полку. Далее, с 1796 по 1801 г., работал в Коллегии иностранных дел в канцелярии вице-канцлера А.Б. Куракина, курируя наряду с прочим вопросы сношений с Мальтийским орденом (АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 664/1. Д. 121).

Е.А. Энгельгардт быстро сумел снискать расположение выдающегося русского дипломата и вельможи, который высоко ценил своего подчиненного. Пятилетний трудовой опыт в секретариате замминистра, к тому же в столь непростой исторический период, безусловно расширил горизонты молодого человека. Глубокое осмысление принципов административной работы и хода управленческих процессов в одном из ключевых государственных органов исполнительной власти впоследствии помогло ему стать не только уважаемым и грамотным учителем, но и эффективным чиновником. Общение с князем А.Б. Куракиным и его кругом обогатило картотеку контактов и дало возможность приобрести полезные связи. Наконец, комплексное понимание международной обстановки (по всем векторам внешней политики России, ведь канцелярия вице-канцлера – не территориальный отдел) позволило убедиться в важности дипломатии как таковой, а также того, что позже стало принято называть «мягкой силой». Именно эти ценности он продвигал уже с позиций педагога – сначала помощника статс-секретаря Государственного совета Ф.И. Энгеля¹ (1801–1811 гг.), затем директора Петербургского педагогического института (1811–1816 гг.) и потом – лица.

В отношении прикладных аспектов развития профессиональных компетенций учеников следует отметить, что во внешнеполитическом архиве хранится дело «Об отпуске директору Царскосельского лицея Энгельгардту дипломатических бумаг старых лет для приучения воспитанников к составлению выписок» (АВПРИ. Ф. АД. III-20. 1816. Д. 1). Таким образом, благодаря его стараниям, лицеисты получили первую возможность приобщиться к реальным документам, подготовленным сотрудниками Коллегии, и поупражняться в их обработке. Заметим, что такой уникальный случай выпадает далеко не всем, включая тех, кто изучает историю дипломатии в профильных учебных заведениях уже в XXI веке. Многим из первых лицеистов данные навыки впоследствии пригодились в практической работе. Таким образом, он продолжил дело В.Ф. Малиновского, что позволяет говорить о преемственности курса педагогики и академической дипломатии первых директоров лицея.

После ухода с должности директора Е.А. Энгельгардт в основном занимался научной и общественной работой: писал сочинения по вопросам экономики и сельского хозяйства, участвовал в разного рода собраниях, нередко ходатайствовал перед властью имущими о своих бывших подопечных, в том числе и А.С. Пушкине. Как и последнего, большинство из них он пережил, скончавшись в 1862 г. в возрасте 86 лет. На протяжении всей жизни он уделял большое внимание нетворкингу – черте, присущей дипломатической этике, которую он также стремился прививать своим подопечным.

Что касается педагогического состава первых лицейских лет, то среди всех штатных учителей не было ни одного бывшего дипломата. Большинство из них, а именно: А.П. Куницын (нравственные и политические науки), Н.Ф. Кошанский (эстетика, русская и латинская словесность), Я.И. Карцов (физические и математические науки), А.И. Галич (русская словесность), Ф.Б. Эльснер (военные науки), Д.И. де Будри (французская словесность), С.Г. Чириков (изящные искусства), И.К. Кайданов (история, география, статистика) и даже Ф.М. Гауеншильд, о котором речь шла выше, были представителями академических кругов, в основном с высшим педагогическим образованием, учеными степенями и признанными заслугами в этой области (Руденская, 1999: 97). Единственные два наставника, которые заслуживают интереса в рамках разрабатываемой темы, – Л.-В. Теппер де Фергюсон (пение и музыка) и С.Г. Чириков (изящные искусства).

Людвиг-Вильгельм Теппер де Фергюсон (1768–1838) известен, прежде всего, как автор музыки к «Прощальной песне» лицеистов (1817 г.), слова к которой написал А.А. Дельвиг. Биография капельмейстера императорского двора, а также учителя музыки великих княжон неоднократно описывалась пушкинистами (Ступель, 1960; Яценко, 1994). В данной статье имеет смысл сделать акцент на том, что выходец из очень влиятельной, но во время его молодости обедневшей семьи, эмигрировавшей из Шотландии в Польшу, некоторое время (1791–1792 гг.) работал на дипломатических должностях. Начал свою карьеру Л.-В. Теппер на посту секретаря польского посольства в Испании, однако проработал там меньше года, едва ли успев чем-то отличиться. Зато следующей его командировкой стала поездка в Дрезден в составе польской миссии к курфюрсту Фридриху Августу I. Задача переговоров сводилась к тому, чтобы убедить саксонского властителя принять польскую корону в соответствии с положениями Конституции 3 мая 1791 г. В принципе

¹ Фамилия «Энгель» (Engel) в переводе с немецкого языка означает «ангел». «Ангельский тандем» Ф.И. Энгеля и Е.А. Энгельгардта не мог не служить поводом для шуток как в самом Государственном совете, так и за его пределами.

переговорщикам удалось достигнуть поставленной цели, однако проекту не суждено было воплотиться в жизнь: в 1795 г. после поражения восстания Тадеуша Костюшко и низложения Станислава Понятовского последовал третий раздел Польши. Фридрих Август I впоследствии стал герцогом Варшавским, но только в 1807 г. Таким образом, в каком-то смысле миссия все же увенчалась успехом, пусть и не сразу.

Участовавший же в ней Л.-В. Теппер к тому времени уже десять лет как перебрался в Петербург и сменил ремесло, посвятив всю дальнейшую жизнь музыке и музыкальной педагогике. В лицее он преподавал по просьбе Е.А. Энгельгардта с 1816 г. на общественных началах, то есть без выплаты жалованья, и только в 1817 г. был зачислен в штат Лицейского благородного пансиона. Тем не менее, наряду с занятиями музыкой, рассказы Л.-В. Теппера о «польском вопросе», который он знал досконально, способствовали расширению кругозора лицеистов по этому направлению внешней политики Российской империи.

Второй учитель – Сергей Гаврилович Чириков – вовсе не имел отношения к ведомственной дипломатической службе, но отмечен тем, что применительно к нему единственному (не только из всех наставников, но и знакомых вообще) А.С. Пушкин употребил однокоренной эпитет, пусть и в ироничной, можно даже сказать, в уничижительной форме:

Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин;
Всегда, за все, во всех местах,
Крапивы он достоин:
С Мартыном поп он записной,
С Фроловым математик;
Вступает Энгельгардт-герой –
И вмиг он дипломатик (Пушкин, 1962: 445).

Данная шутовская эпиграмма, датируемая 1816–1817 гг., требует некоторых пояснений. Несмотря на некоторую издевку в тоне стихотворения, отношения А.С. Пушкина и его одноклассников с С.Г. Чириковым были весьма теплыми. Помимо обучения рисованию, он также исполнял обязанности гувернера, то есть был ответственным за поведение подростков (в современных институтских реалиях – куратор, тьютор или начальник курса). Занятие было явно неблагодарное, учитывая строптивые характеры юных лицеистов, при этом за проказы от руководства учебного заведения доставалось не только им самим, но и С.Г. Чирикову. Отсюда отсылки в эпиграмме: «Мартын» – прозвище инспектора (завуча или проректора по воспитательной работе) М.С. Пилецкого-Урбановича, еще до написания приведенного текста со скандалом изгнанного из лицея по инициативе учеников (Райнхардт, 2019: 93). С.С. Фролов – также достаточно строгий коллега первого. Для того чтобы эффективно исполнять роль «доброго полицейского» и улаживать конфликты, художнику приходилось мимикрировать под оппонентов: с М.С. Пилецким-Урбановичем он разговаривал на языке благонравного святоши, поскольку тот предпочитал такой образ и очень глубоко интересовался вопросами религии. С С.С. Фроловым – скорее всего, апеллируя к логике и здравому прагматизму. Соответственно, в общении с Е.А. Энгельгардтом «дипломатик» – не просто гибкий, сговорчивый, склонный к компромиссам человек (бытовое значение прилагательного «дипломатичный»: таким он был в принципе, то есть и с М.С. Пилецким-Урбановичем, и с С.С. Фроловым тоже), но отсылка к прежнему ремеслу самого директора.

Следовательно, именно последние шесть строк эпиграммы серьезны и призваны передать непростую роль С.Г. Чирикова во взаимоотношениях с коллегами и подопечными, между которыми ему приходилось постоянно лавировать. Как бы то ни было, приведенное послание не было задумано как обидное по отношению к адресату – в отличие, например, от прямых и искренних оскорблений Ф.М. Гауеншильда. Таким образом, своим поведением С.Г. Чириков демонстрировал манеры, полезные для дипломатического ремесла, и способствовал формированию у своих подопечных соответствующих этических представлений.

5. Заключение

Как видим, некоторые из лицейских педагогов первых лет его функционирования имели личный, пусть и сравнительно кратковременный опыт дипломатической работы (В.Ф. Малиновский, Е.А. Энгельгардт, Л.-В. Теппер). Другие (Ф.М. Гауеншильд, С.Г. Чириков) были просто хорошо знакомы с нравами и обычаями дипломатического корпуса и в целом этой профессиональной среды. Было бы преувеличением утверждать, что в основном именно общение с ними определило интерес воспитанников к дипломатии и международным отношениям. Однако те из них, кто впоследствии стал карьерным дипломатом, в известной мере обязаны этим выбором рассказам перечисленных наставников об их работе в посольствах и миссиях. Определенные ценности, а именно: любовь к Отечеству, постоянное стремление к профессиональному самосовершенствованию, критическое мышление, порядочность, такт и нетворкинг, без которых немислима успешная работа в названной области, были привиты будущим чиновникам Коллегии и Министерства иностранных дел именно в лицее. Наряду с этим упор делался на развитии таких специфических профессиональных

компетенций, как владение иностранными языками и архивное дело. Именно в этом состояла заслуга образовательной среды и инфраструктуры Императорского Царскосельского лицея 1810-х – начала 1820-х годов в целом, а также личностей отдельных вышеназванных учителей.

Начиная со второй половины 1820-х гг., в связи с перепрофилированием лицея и его подчинением военному ведомству данная традиция постепенно прервалась. Несмотря на то, что Царскосельский (с 1843 г. – Александровский) лицей дал России пять министров иностранных дел (А.М. Горчаков, Н.К. Гирс, А.Б. Лобанов-Ростовский, А.П. Извольский и С.Д. Сазонов), доля выпускников, поступавших на дипломатическую службу, снизилась с 30 % среди первых наборов (Райнхардт, 2019: 83) до 10 % к началу XX века (Павлова, 2002: 185-186). Таким образом, после рассмотренного периода лицей фактически перестал играть роль кузницы кадров для внешнеполитического ведомства и центра академической дипломатии.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, Проект 18-78-10123 «Научная дипломатия как новое направление международной деятельности: практики, область действия и перспективы применения».

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Гастфрейнд, 1912–1913 – Гастфрейнд Н.А. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицейю. Материалы для словаря лицейстов первого курса 1811–1817 г. В 3 т. Собрал и изд. Николай Гастфрейнд. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1912–1913.
- Грот, 1887 – Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота, с присоединением и др. материалов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. 320 с.
- Грот, 1911 – Грот Я.К. Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги I-го курса, собранные академиком Я.К. Гротом. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1911. 461 с.
- Карпов, 2019 – Карпов В.В. Особенности профессиональной подготовки студентов-международников в России // *Современное педагогическое образование*. 2019. № 9. С. 201-205.
- Кобеко, 1911 – Кобеко Д.Ф. Императорский царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811–1843. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 554 с.
- Кузнецов, 2014 – Кузнецов А.И. Прообраз МГИМО: из истории специального дипломатического образования в России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 1. С. 64-71.
- Малиновский, 1958 – Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 170 с.
- Мелихов, 2011 – Мелихов И.А. Личность в дипломатии. На исторических параллелях. М.: Восток-Запад, 2011. 368 с.
- Павлова, 2002 – Павлова С.В. Императорский Александровский лицей. СПб.: Паритет, 2002. 256 с.
- Панченко, Торкунов, 2018 – Панченко В.Я., Торкунов А.В. Ученый как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*. 2018. № 1. С. 10-17.
- Пушкин, 1959 – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1814–1822. М.: ГИХЛ, 1959. 643 с.
- Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 7. История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. М.: ГИХЛ, 1962. 462 с.
- Райнхардт, 2019 – Райнхардт Р.О. Дипломаты – лицейские друзья А.С. Пушкина // *Обозреватель-Observer*. 2019. № 10. С. 78-96.
- Руденская, 1999 – Руденская С.Д. Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917. СПб.: Лениздат, 1999. 512 с.
- Ступель, 1960 – Ступель А.М. Лицейский учитель музыки // Пушкин: Исследования и материалы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 362-377.
- Турилова, 1992 – Турилова С.Л. Материалы о Н.М. Карамзине в Архиве внешней политики Российской империи // Н.М. Карамзин. Юбилей 1991 года: Сборник научных трудов. М.: Гос. музей А.С. Пушкина, 1992. С. 63-67.
- Турилова, 1999 – Турилова С.Л. Пушкин на дипломатической службе // *Международная жизнь*. 1999. № 6. С. 24-33.
- Тюнькин, 1989 – Тюнькин К.И. Салтыков-Щедрин. М.: Мол. гвардия, 1989. 621 с.
- Черейский, 1988 – Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 544 с.
- Яценко, 1994 – Яценко О.А. Учитель пения: Штрихи к биографии Людвиг Вильгельма Теппера де Фергюсона // *Арс*. № 1: Дома у Пушкина. СПб., 1994. С. 40-46.
- Ruffini, 2017 – Ruffini P.-V. Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Cham: Springer, 2017. 132 p.

Stone, 1971 – Stone L. Prosopography // *Daedalus*. Vol. 100. Is. 1: 46-79.

Zonova, 2011 – Zonova T. The consular service in Russia: Past problems, new challenges // *Diplomatic Studies*. 2011. Is. 7: 173-198.

References

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].

Cherejskij, 1988 – Cherejskij, L.A. (1988). Pushkin i ego okruzenie [Pushkin and his entourage]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie. 544 p. [in Russian]

Gastfreund, 1912–1913 – Gastfreund, N.A. (1912–1913). Tovarishhi Pushkina po Imperatorskomu Tsarskosel'skomu liceju. [Pushkin's comrades at the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum]. Materialy dlja slovarja liceistov pervogo kursa 1811-1817 g. V 3 t. Sobral i izd. Nikolaj Gastfreund. SPb.: tip. P.P. Sojkina. [in Russian]

Grot, 1887 – Grot, Ya.K. (1887). Pushkin, ego licejskie tovarishhi i nastavniki [Pushkin, his Lyceum comrades and teachers]. Neskol'ko statej Ja. Grota, s prisoedineniem i dr. materialov. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk. 320 p. [in Russian]

Grot, 1911 – Grot, Ya.K. (1911). Pushkinskij licej (1811–1817) [Pushkin Lyceum (1811–1817)]. Bumagi I-go kursa, sobrannye akademikom Ja.K. Grotom. SPb.: Tip. Ministerstva putej soobshhenija. 461 p. [in Russian]

Karpov, 2019 – Karpov, V.V. (2019). Osobennosti professional'noj podgotovki studentov-mezhdunarodnikov v Rossii [Specific features of students in international relations professional training in Russia]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 9: 201-205. [in Russian]

Kobeko, 1911 – Kobeko, D.F. (1911). Imperatorskij tsarskosel'skij licej. Nastavniki i pitomcy 1811–1843 [Imperial Tsarskoye Selo Lyceum. Teachers and pupils 1811–1843]. SPb.: Tipografija V.F. Kirshbauma. 554 p. [in Russian]

Kuznetsov, 2014 – Kuznetsov, A.I. (2014). Proobraz MGIMO: iz istorii special'nogo diplomaticheskogo obrazovanija v Rossii [MGIMO prototype: from the history of special diplomats training in Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 1: 64-71. [in Russian]

Malinovskij, 1958 – Malinovskij, V.F. (1958). Izbrannye obshhestvenno-politicheskie sochinenija [Selected social and political works]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 170 p. [in Russian]

Melihov, 2011 – Melihov, I.A. (2011). Lichnost' v diplomatii. Na istoricheskikh paralleljah [Personality in diplomacy. On historical parallels]. M.: Vostok-Zapad. 368 p. [in Russian]

Panchenko, Torkunov, 2018 – Panchenko, V.Ya., Torkunov, A.V. (2018). Uchenyj kak diplomat: nauka vlijaet na reshenie mezhdunarodnyh konfliktov i problem [Scholar as a diplomat: science impacts international conflicts and problems resolution]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij*. 1: 10-17. [in Russian]

Pavlova, 2002 – Pavlova, S.V. (2002). Imperatorskij Aleksandrovskij licej [Imperial Alexander Lyceum]. SPb.: Paritet. 256 p. [in Russian]

Pushkin, 1959 – Pushkin, A.S. (1959). Poln. sobr. soch. V 10 tomah. T.1. Stihotvorenija 1814–1822 [Poems 1814–1822]. M.: GIHL. 643 p. [in Russian]

Pushkin, 1962 – Pushkin, A.S. (1962). Poln. sobr. soch. V 10 tomah. T.7. Istorija Pugacheva, Istoricheskie stat'i i materialy, Vospominanija i dnevniki [Pugachev's history. Historical articles and materials. Memoirs and diaries]. M.: GIHL. 462 p. [in Russian]

Raynkhardt, 2019 – Raynkhardt, R.O. (2019). Diplomaty – licejskie druž'ja A.S. Pushkina [Diplomats – Lyceum friends of Alexander Pushkin]. *Obozrevatel'-Observer*. Pp. 78-96. [in Russian]

Rudenskaja, 1999 – Rudenskaja, S.D. (1999). Tsarskosel'skij – Aleksandrovskij licej. 1811-1917 [Tsarskoye Selo – Alexander Lyceum. 1811–1917]. SPb.: Lenizdat. 512 p. [in Russian]

Ruffini, 2017 – Ruffini, P.-B. (2017). Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Cham: Springer, 132 p.

Stone, 1971 – Stone, L. (1971). Prosopography. *Daedalus*. 100(1): 46-79.

Stupel, 1960 – Stupel, A.M. (1960). Licejskij uchitel' muzyki [Music teacher at the Lyceum]. Pushkin: Issledovanija i materialy. M-L.: Izd-vo AN SSSR. Vol.3. Pp. 362-377. [in Russian]

Turilova, 1992 – Turilova, S.L. (1992). Materialy o N.M. Karamzine v Arhive vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Materials on N.M. Karamzin in the Archive of foreign policy of the Russian Empire]. N.M. Karamzin. Yubilei 1991 goda: sbornik nauchnyh trudov. M.: Gos. muzej A.S. Pushkina. Pp. 63-67. [in Russian]

Turilova, 1999 – Turilova, S.L. (1999). Pushkin na diplomaticheskoy sluzhbe [Pushkin on diplomatic service]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 6: 24-33. [in Russian]

Tyunkin, 1989 – Tyunkin, K.I. (1989). Saltykov-Shhedrin [Saltykov-Shhedrin]. M.: Mol. gvardija. 621 p. [in Russian]

Yacenko, 1994 – Yacenko, O.A. (1994). Uchitel' penija: Shtrihi k biografii Ljudviga Vil'gel'ma Teppera de Fergjusona [Song teacher: treats to Ludwig-Wilhelm Tepper de Ferguson's biography]. *Ars*. № 1: Doma u Pushkina. SPb. Pp. 40-46. [in Russian]

Zonova, 2011 – Zonova, T. (2011). The consular service in Russia: Past problems, new challenges. *Diplomatic Studies*. 7: 173-198.

**Фактор личности в академической дипломатии 1810-х – начала 1820-х годов:
опыт первых педагогов Императорского Царскосельского лицея**

Роман Отмарович Райнхардт ^{a, *}

^aМосковский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ роли личности в академической дипломатии первой четверти XIX века на примере Императорского Царскосельского лицея. Используя материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), а также специализированную литературу и применяя просопографический метод, автор исследует влияние профессионального дипломатического опыта первых директоров и учителей указанной школы на их академическую и педагогическую деятельность. Императорский лицей как наиболее известное и элитарное учебное заведение рассматриваемого периода изначально не имел четко обозначенной специализации. Тем не менее многие его выпускники после окончания учебы сделали карьеру на дипломатическом поприще, став государственными служащими Министерства иностранных дел. На такой выбор в значительной степени повлияли профессиональные навыки и ценности, переданные им бывшими дипломатами, которые были их директорами и учителями. Анализируются особенности, с одной стороны, и сходства, с другой – соответствующих карьерных траекторий. Показано, что большинство из них разделяли определенные ценности и этические принципы, типичные для профессионального дипломатического сообщества, а именно: патриотизм, нацеленность на защиту национальных интересов государства и нетворкинг. При этом большое внимание уделялось технической подготовке к работе с архивами, а также овладению иностранными языками. Автор приходит к выводу, что в совокупности эти факторы сформировали уникальную образовательную среду для будущих дипломатов и специалистов в области международных отношений.

Ключевые слова: история российской дипломатии, научная дипломатия, академическая дипломатия, Императорский Царскосельский лицей, профессиональная подготовка дипломатов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: don.reinhardt@mail.ru (Р.О. Райнхардт)